

Исследовательская статья

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9

¹Певная М. В.

²Шуклина Е. А.

³Киенко Т. С.

⁴Тарасова А. Н.

⁵Андрианова Е. В.

⁶Худякова М. В.

⁷Шаповалова И. С.

**Страхи российского студенчества
в ситуации социальной неопределенности
(весна 2022 года)**

^{1, 2}Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия
m.v.pevnaya@urfu.ru
e.a.shuklina@urfu.ru

³Южный федеральный университет,
улица Б. Садовая, дом 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия
tskienko@sfedu.ru

⁴Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия
a.n.tarasova@urfu.ru

⁵Тюменский государственный университет,
улица Володарского, дом 6, Тюмень, 625003, Россия;
Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
улица Свердлова, дом 5, корп. 2, Тюмень, 625002, Россия
e.v.andrianova@utmn.ru

⁶Тюменский государственный университет,
улица Володарского, дом 6, Тюмень, 625003, Россия
m.v.khudyakova@utmn.ru

⁷Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия
shapovalova@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу репертуара страхов студенческой молодежи в четырех российских регионах в событийном контексте весны 2022 года. Описаны привычные и новые аспекты страхов и тревожности, их региональные различия, обусловленные событийным контекстом и территориальной близостью/удаленностью от арены специальной военной операции. Эмпирические данные собраны среди студентов 1-4 курсов очной формы обучения экономических и социально-гуманитарных направлений подготовки в Свердловской, Тюменской, Ростовской и Белгородской областях в период с 10.03.2022 по

15.03.2022 г. В исследовании использован метод группового фокусированного интервью (8 фокус-групп). В ходе качественного анализа данных реализованы процедуры осевого и тематического кодирования. Выявлено, что структура доминирующих элементов в репертуаре страхов сохраняется во всех анализируемых регионах (страх болезни родных и близких, войны, собственной болезни и потери работоспособности, произвола со стороны властей, бедности). Для студентов Урала и Сибири на первом месте стоит страх болезни родных и близких, в приграничных регионах первую позицию занимает страх войны. Внешние средовые факторы влияют на усиление страхов: чем ближе и реальнее угрозы – тем острее и конкретнее страхи студенчества. Социально-психологическое напряжение вызывают диффузные, естественные страхи за жизнь, здоровье и благополучие близких людей, собственное социальное будущее, будущее страны и мира, которые под влиянием ситуации неопределенности обретают конкретность и угрожающую остроту. Новые аспекты в палитре страхов связаны с экономическими, политическими, культурными изменениями в стране и мире, в первую очередь, с проявлениями «культуры отмены». Ее экономический аспект обусловлен тотальными и долговременными экономическими санкциями в отношении РФ, вызвавшими всплеск экономических страхов, необходимость справиться с которыми потребует серьезных изменений в экономическом сознании и поведении молодежи. Политический аспект культуры отмены связан у студенческой молодежи с ростом опасений в отношении внешней политической изоляции России и отчуждением от разных форм политической активности внутри страны. Социокультурный аспект феномена отмены проявился в новых видах страхов перед культурной изоляцией России в целом, сокращением доступа к привычным социальным сетям и сервисам, ограничением студенческих культурных, научных, образовательных обменов и возможностей получения образования за рубежом.

Ключевые слова: молодежное сознание; социальное настроение; страхи, травма; общественное мнение в чрезвычайных ситуациях

Информация для цитирования: Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., Тарасова А. Н., Андрианова Т. В., Худякова М. В., Шаповалова И. С. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9.

Research article

¹Maria V. Pevnaya

²Elena A. Shuklina

³Tatyana S. Kienko

⁴Anna N. Tarasova

⁵Elena V. Andrianova

⁶Marina V. Khudyakova

⁷Inna S. Shapovalova

Fears of Russian students in a situation
of social uncertainty (spring 2022)

^{1, 2}Ural Federal University,
620002, bld. 19, Mira St., Yekaterinburg, Russia
m.v.pevnaya@urfu.ru
e.a.shuklina@urfu.ru

³⁾Southern Federal University,
344006, bld. 105/42, Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russia,
tskienko@sfedu.ru

⁴⁾Ural Federal University,
620002, bld. 19, Mira St., Yekaterinburg, Russia,
a.n.tarasova@urfu.ru

⁵⁾University of Tyumen,
625003, bld. 6, Volodarsky St., Tyumen, Russia;
West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
625002, bld. 2/5, Sverdlova Street, Tyumen, Russia
e.v.andrianova@utmn.ru

⁶⁾University of Tyumen,
625003, bld. 6, Volodarsky St., Tyumen, Russia
m.v.khudyakova@utmn.ru

⁷⁾Belgorod State National Research University,
308015, bld. 85, Pobedy St., Belgorod, Russia
shapovalova@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the repertoire of Russian students' fears in four Russian regions in the context of the spring events of 2022. The usual and new aspects of fears and anxiety are described, as well as their regional differences due to the event context and territorial proximity/remoteness from the arena of a special military operation. Empirical data were collected among students of 1-4 full-time courses of study in economic, social and humanitarian areas of training in the Sverdlovsk, Tyumen, Rostov and Belgorod regions from 03/10/2022 to 03/15/2022. The study used the method of group focused interviews (8 focus groups). In the course of qualitative data analysis, axial and thematic coding procedures were implemented. It was revealed that the structure of the dominant elements in the repertoire of fears is preserved in all analyzed regions (fear of illness of relatives and friends, war, one's own illness and loss of working capacity, arbitrariness on the part of the authorities, poverty), however, for students of the Urals and Siberia, the fear of illness of relatives is in the first place, while in the border regions the first position is occupied by the fear of war. It was revealed that the external environmental factors of the border areas affect the strengthening of fears: the closer and more real the threat is, the sharper and more specific the students' fears are. Socio-psychological tension is caused by diffuse, natural fears for the life, health and well-being of loved ones, one's own social future, the future of the country and the world, which, under the influence of a situation of uncertainty, acquire concreteness and menacing acuteness. New aspects in the palette of fears are associated with economic, political, cultural changes in the country and the world, and, first of all, with manifestations of the "cancel culture". Its economic aspect is due to the total and long-term economic sanctions against the Russian Federation, which caused a surge in economic fears, the need to cope with which will require serious changes in the economic consciousness and behavior of young people. The political aspect of cancel culture is associated among students with growing fears about the external political isolation of Russia and alienation from various forms of political activity within the country. The socio-cultural aspect of the cancellation phenomenon

manifested itself in new types of fears of the cultural isolation of Russia as a whole, reduced access to familiar social networks and services, limited student cultural, scientific, educational exchanges and educational opportunities abroad.

Keywords: youth consciousness; fears, trauma; public opinion in emergency situations

Information for citation: Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Kienko, T. S., Tarasova, A. N., Andrianova, E. V., Khudyakova, M. V., Shapovalova, I. S. (2022), "Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022)", *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9.

Введение (Introduction). Несмотря на тревожный информационный фон массмедиа, начало специальной военной операции для многих россиян стало неожиданным событием, вызвавшим в обществе обширное число противоречивых оценок, суждений, мнений в отношении происходящего. События, стремительно развивающиеся на территории соседнего с РФ государства, детерминировали проявление множества ранее непрогнозируемых политических, экономических и социальных рисков для страны. Противоречивый и турбулентный характер общественных процессов наряду с непониманием населением происходящего спровоцировали взрыв тревожности и расширение спектра опасений россиян в отношении своего настоящего и будущего. Повышенное беспокойство, поляризация мнений на фоне гиперинформированности и растерянности целого поколения были более характерны для молодых россиян.

По данным опроса ВЦИОМ, в конце февраля 2022 года 56% россиян испытывали тревогу¹. Левада Центр (организация признана в РФ иностранным агентом) провел 24–30 марта 2022 года опрос и выяснили, что доминирующими чувствами у россиян, вызванными выше названными событиями, являются «гордость за Россию» (51%), «тревога, страх, ужас» (31%) и «шок» (12%). В группе 18-24 года, в отличие(и) от других возрастных групп, преобладает «тревога, страх, ужас» (37%), затем

идут «гордость за Россию» (33%) и «шок» (15%). В дополнение, именно среди этой возрастной когорты, выделяется «подавленность, оцепенение» (12%)². Неопровержимым фактом в такой ситуации является социальный и культурный шок, детерминирующий индивидуальную и коллективную травмы, усиливающие страхи и страдания людей, обостряющие эмоционально-чувственную сферу и расшатывающие коллективную и индивидуальную идентичность (Айерман, 2013).

Начало специальной операции стало тем очевидным фактом, который резко изменил жизнь многих россиян. Это травматическое событие вызвало нарушение привычного образа мысли и действий, как и многие трагедии поменяло жизненный мир людей, их модели поведения и мышления (Штомпка, 2001). Оно запустило социальный процесс, который будет продолжать оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому и на их восприятие настоящего и будущего. В этой логике травматизация сознания в начале «нового времени испытаний» становится отправной точкой и многоточием, траекторией, цепью событий и переживаний (Травма: пункты..., 2009).

В сложившейся ситуации сложно было дать однозначные оценки происходящему в контексте повседневной жизни, еще проблематичнее выработать адекватную

¹ Эмоциональный фон, страхи и ожидания россиян: стресс-факторы в точках бифуркации. Опубликовано 27.02.2022. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/ehmocionalnyi-fon>

strakhi-i-ozhidaniya-rossijan-stress-factory-v-tochkakh-bifurkacii (дата обращения: 21.04.2022).

² Конфликт с Украиной. Опубликовано 31.03.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/31/konflikt-s-ukrainoj/> (дата обращения: 21.04.2022).

происходящему аргументацию в академической и образовательной среде. Это сподвигло группу социологов (авторов данной статьи) инициативно собрать актуальную информацию о страхах, беспокойствах, тревожности российской студенческой молодежи, зафиксировать вариативность мнений и субъективных оценок.

Цель статьи – проанализировать репертуар страхов студенческой молодежи в четырех российских регионах, выявив актуальные аспекты и региональные различия в событийном контексте весны 2022 года.

Методология и методы (Methodology and methods). *Научные трактовки и исследования страхов в кризисных ситуациях.* Проблема социальных страхов междисциплинарна. Она актуализирована в философии, культурологии, ряде отраслей социологического знания (социологии безопасности, социологии рисков, социологии катастроф, социологии эмоций, концепциях общественного сознания и социального настроения), психологии и социальной психологии, экономике, менеджменте и др. Подходы к ее решению разнообразны: от рассмотрения страха как онтологического феномена до количественных расчетов экономических угроз и рисков.

В контексте нашего исследования целесообразно обратиться к феноменологической традиции, где страх (Furcht) отнесен к экзистенциалам, характеризующим целостность и неразрывность бытия человека и мира, позволяющим анализировать процессы создания индивидами жизненного мира (Хайдеггер, 2003). Феномен страха – это априорная, конститутивная характеристика бытия человека, при этом как часть повседневности репрезентирует уникальный опыт присутствия индивида в условиях ситуативности, совокупность возможностей и ограничений, реализующихся в его судьбе (Гагарин, 2009: 8). С одной стороны, страх – способ бытия, в котором раскрывается потерянности, неподлинности, ничтожности человека, с другой – это «скованная свобода». Экзистенциальный страх

комплексно исследуются как базовая эмоция и мощная первичная программа человека в психологии (Лакан, 2010). В социальной психологии страхи рассматриваются как в логике понимания индивидуальных механизмов их осознания, так и коллективной идентификации с чем-то глобальным и устойчивым, что заставляет переосмысливать трансформирующиеся под влиянием страха концепции конформизма, патриотизма, консьюмеризма, тоталитаризма. (Routledge, Vess, 2018).

В социологии страх – это социальный феномен, механизм воспроизводства социального порядка и социальных изменений, средство социальной мобилизации, инструмент адаптации, социализации, моральной регуляции. Его изучение базируется на принципах социальной обусловленности и комплексного анализа в контексте парадигм макро- и микроуровня. В социальных исследованиях страхи классифицируются на индивидуальные – массовые; ситуативные – постоянные; универсальные и специфические; явные – фоновые; социализированные – несоциализированные; рациональные – иррациональные; идеологические – обыденные; конструктивные – деструктивные; конкретные причинные – беспричинные диффузные – экзистенциальные – религиозно-мистические или нумиозные (страх конца света, кары Божьей). Страхи анализируются как состояние и как процесс. Они различаются по интенсивности (от обеспокоенности до паники), по сфере локализации (социально-политические, социально-экономические и пр.). Их можно аналитически оценивать по объекту угрозы, по степени осознанности.

Страх имеет конкретно-исторический характер, зависит от трансформации социальных настроений, является проявлением культуры эмоций. Как социокультурный феномен он во многом обуславливает выбор личностью стратегии поведения: активной (конструктивной либо разрушительной, включая агрессию) и пассивной в виде апатии и эскапизма в разных сферах, влияя

в политике на распределение власти, циркуляцию элит, социальные движения. В экономике страхи затрагивают потребление и рынок труда, в общественной жизни – конституируют общественные настроения (Furedi, 1997). Исследователями анализируется социально-культурная матрица, в которой страх возникает и обуславливает модели социального действия, связанные с ним (Симонова, 2016).

В социологических исследованиях страхи изучаются в концепции катастрофического сознания (Drabek, 2019; Matthewman, 2015). Драматизация сознания начинается с «травмирования» смыслов, обретенных индивидами в процессе социализации, которые замещаются новыми мистифицированными представлениями о ценностях и референтах (Кравченко, 2020: 63). В зеркале общественного мнения идентифицируются страхи разных уровней и интенсивности своего выражения (Гудков, 1999). Страх – массовый феномен (Шляпентох, Шубкин, Ядов, 1999). Страхи связаны с личным опытом людей (Седова, 2010). Их источником часто становятся угрозы катастрофических социальных трансформаций разного уровня от глобального до локального (Шубкин, Иванова, 1999),

В исследованиях социальных настроений и социологии эмоций страх изучается как индивидуально типичный, имеющий коллективный характер, сложный и многокомпонентный феномен, включающий биологические, аффективно-когнитивные и поведенческие элементы (Stets, Turner, 2014). Страх существует как эмоциональный комплекс, будучи совмещен с иными эмоциональными состояниями. Источником страхов подчас выступает отчужденность человека от собственной жизни (Горшков, Петухов, Крумм, 2009), либо отчужденность от отдельных сфер социальной жизни, например, от власти (Амбарова, 2012).

В социологии риска и социологии безопасности «страх» включен в комплекс комплементарных понятий «тревога», «риск», «надежность», «опасность»,

«угроза». Социальные страхи рассматриваются как индикаторы социального благополучия, социальной напряженности, уровня безопасности. Если понятие «опасность» связано с воздействием на ситуацию внешних факторов, то «риск» зависит от принимаемых решений. Риск – рациональное поведение социального субъекта (индивида, социальной группы, общности, социальной организации, социума) в условиях неопределенности. Ситуация риска характерна для любого субъекта и любого его решения или не решения. «Свободного от риска поведения не существует» (Луман, 1994: 155). Это сущностная характеристика человеческой деятельности, «способ адаптации к неопределенности и неизвестности будущего, структурирующий и рационализирующий человеческое поведение» (Зубков, 2001: 124). Разделение понятий риска и отношения к риску позволяет увидеть место феномена страха в понимании субъективных характеристик риска.

Страх выступает в роли универсального тревожного индикатора в динамике социальных и культурных, экономических, техногенных, экологических изменений. Он фиксирует возможные нежелательные последствия нарушения общеизвестных правил, традиций, закономерностей. (Витковская, 2003). Социологический подход позволит выявлять репертуар страхов, характерных для конкретного общества или отдельных социально-демографических групп в определенных пространственно-временных границах, оценивать силу, специфику и распространенность какого-то конкретного страха, моделировать доминантный модус массового сознания, апеллируя к страхам через термины врагов и угроз стране/обществу (Нарбут, Троцук, 2014).

На основании анализа существующих исследований в статье страхи рассматриваются в широкой трактовке как социальный, социально-психологический феномен. Авторами был сформулирован ряд исследовательских вопросов. Каким образом сту-

денты идентифицируют свои опасения, тревоги и как соотносят их с происходящими в мире, стране, в их личной жизни событиями? Каким образом в студенческой среде происходит индивидуальное осмысление и коллективная идентификация страхов в социально-экономической, социально-политической и социокультурной сферах? Какие новые аспекты тревожности появляются в молодежном сознании и артикулируются студенчеством в событийном контексте весны 2022 года?

Данные и метод. В кризисных условиях качественные методические стратегии являются более адекватными быстрым, кардинальным изменениям, снимают деперсонализацию количественных подходов, позволяют зафиксировать новые социальные феномены, дают предварительную информацию для дальнейших обобщений, выработки новых направлений исследования. Эти цели были поставлены в исследовании, проведенном авторским коллективом с 10.03.2022 по 15.03.2022 в вузах Ростова-на-Дону и Белгорода (приграничные с Украиной районы), Екатеринбурга, Тюмени (Урал, Зауралье), с использованием метода группового фокусированного интервью.

В каждом вузе проведено по две фокус-группы. В первой принимали участие студенты 1-2, во второй – 3-4 курсов бакалавриата очной формы обучения следующих направлений подготовки: «Социология», «Организация работы с молодежью», «Социальная работа», «Публичная политика и социальные науки», «Государственное и муниципальное управление». Использовался классический тип фокус-группы из 8-12 человек, продолжительностью 95-150 минут.

Целью исследования стало выявление репертуара страхов студенчества в четырех российских регионах, сформировавшихся в начале специальной военной операции, в ситуации геополитической и социальной

неопределенности. Осуществлялась оценка разных видов страхов и их интенсивности, выявлялись привычные и новые аспекты страхов, их связь с событийным контекстом, региональные различия. Был выделен внутренний или внешний локус тревожности в представлениях молодежи о настоящем и перспективах своего будущего и будущего страны.

Ход группового интервью выстраивался согласно заданным в гайде тематическим блокам: идентификация и конкретизация страхов, тревог и опасений, определение представлений молодежи о будущем страны, выявление ракурсов видения молодежью собственного будущего, их сопряженность с актуализированными страхами. Иерархия страхов определялась по результатам обсуждения со студентами предложенной линейки страхов, которую традиционно используют социологи, измеряя страхи, угрозы и тревоги россиян¹. Каждый участник фокус-групп выстраивал свою индивидуальную иерархию страхов и аргументировал ее.

Полученные и транскрибированные данные анализировались посредством процедур кодирования в соответствии с методологическим подходом А. Страусс и Д. Корбин (Страусс, Корбин, 2001) и стратегией анализа данных К. Чармаз (Charmaz, 2006). На первом этапе аналитики были выделены типы страхов, как категории, имеющие концептуальную значимость. Авторы статьи индивидуально формулировали для себя аналитические вопросы, искали ответы на них непосредственно в самих данных, реализуя процедуру первичного кодирования и проведение сравнений. В транскриптах выделялись отдельные фрагменты данных, которые кодировались произвольно. Далее выявленные категории были классифицированы на несколько групп: социально-экономические, социально-политические, социокультурные и социально-психологические страхи. На

¹ Страхи и проблемы российского общества. Опубликовано 10.03.2022. URL:

<https://www.levada.ru/2022/03/10/strahi-i-problemy-rossijskogo-obshhestva/> (дата обращения: 21.04.2022).

следующей стадии в каждой группе выделялись страхи информантов с внешним и внутренним локусом переживаний. На втором этапе благодаря процедуре фокусированного кодирования были определены новые аспекты тревожности студенчества, их интенсивность и взаимосвязи. На третьем этапе аналитической оценки эмпирических данных, выявлены сходства и различия страхов студентов, которые учатся в приграничной зоне и в глубине страны (Урал, Сибирь).

Реализованное исследование имеет ряд ограничений, которые связаны с выбором регионов и университетов, студенты, которых принимали участие в фокус-групповых интервью. Безусловно, полученные данные отражают суждения, мнения и оценки социально-благополучной части студенчества ведущих региональных вузов. Однако выбор территорий соответствует исследовательской стратегии, которая позволила провести сравнение между оценками студентов двух территориальных зон. Некоторые ограничения на данные накладывает и специфика образовательной подготовки вовлеченных в исследование студентов социально-гуманитарных направлений, что обусловлено рядом причин. Во-первых, выбором в пользу гомогенности студенческих сообществ при разработке методологии сравнительного фокус-группового исследования. Во-вторых, особенностями этих групп специальностей информантов, имеющих в своем профессиональном треке ориентацию на анализ социальной проблематики и аналитические возможности для самоанализа, вербализации, артикуляции своих эмоциональных состояний, позиций, точек зрения, стратегий поведения в условиях неопределенности. Актуальность обращения авторов в исследовании только к определенной части российского студенчества обусловлена и тем, что в ближайшие годы именно это поколение молодых специалистов придёт работать в сферу публичного управления и в ключевые социальные институты страны, будет определять их развитие.

В целом, новизна полученных результатов обусловлена как спецификой социальной ситуации, объективно обладающей значительным потенциалом новизны, так и стратегией исследования, позволившей сформировать эмпирическую типологию страхов, осуществить сопоставление оценок тех представителей социальной общности студенчества, кто находится в приграничной зоне риска и отдален от нее, зафиксировав имеющиеся различия. Именно поэтому кажущиеся очевидными полученными результаты не столь очевидны на самом деле.

Исследование сделано по горячим следам, представляет собой первый этап, имеющий разведывательный характер. На последующих этапах оно позволит зафиксировать изменения в процессе адаптации студентов к текущей ситуации, динамику их социальных настроений и страхов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Иерархия страхов студенчества в начале весны 2022 года.* Результаты проведенного исследования позволяют выделить актуализированные социальные страхи, присущие студенчеству. Частотный анализ в рамках описанной методики анализа иерархии страхов показал, что среди ключевых – страх болезни родных и близких (42 упоминания), страх войны (38 упоминаний), собственной болезни и потери работоспособности (29 упоминаний), произвола со стороны властей (29 упоминаний) и страх бедности (26 упоминаний). Структура доминирующих в репертуаре страхов сохраняется во всех исследуемых регионах, несколько меняется лишь их порядок. Студенчеством Урала и Сибири на первое место ставится страх болезни близких, в приграничных регионах молодежь на первую позицию относит страх войны. Личный опыт сохранения здоровья, а для кого-то утрата близких, административные ограничения, с чем столкнулись россияне в пандемийный период, политические события и экономическая ситуация последних месяцев вполне объясняют

сформировавшийся репертуар страхов молодежи. Далее охарактеризуем палитру страхов, разделив их на группы.

Социально-психологические страхи студентов. Данная группа включает в себя страх перед неизвестным будущим, прежде всего близких людей, своей семьи, а также в целом будущим страны, мира и своим собственным. В числе опасений, имеющих внешний локус контроля, отмечается «*отрицание и непонимание*», страх за будущее, «*потому что оно туманно, и неизвестно, что будет завтра дальше*», страх «*за ситуацию в мире*». Фоновые страхи макроуровня усиливаются непониманием, неопределенностью и непредсказуемостью развития событий в стране и мире: «*не знаешь, что делать*», потому что «*не знаем, что будет завтра*», ситуация определяется как «*страшная*», «*неопределенная*», «*негативная*», «*напряженная*».

«*Все мы стали более тревожными, депрессивными, потому что ситуация такая. Не знаешь, что делать. Мы не знаем, что будет завтра, это нагоняет тоску, печаль*» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс);

«*Если ситуация в мире, которая сейчас творится, затянется, то я думаю, может все поменяться, все перевернется*» (Тюмень, м., 1 курс).

Информационное давление и постоянное муссирование текущих событий в СМИ приводит к психологической перегрузке, усталости. Растет недоверие к информации и ее источникам, особенно официальным, что усиливается цезурой и уходом из России ряда популярных среди молодежи массмедиа. Избыточность и недоверие к информации приводят к «*взрыву в голове*», росту тревожности, стрессам, отказу от чтения новостей, разговоров на политические темы, потому что «*страшно*», «*непонятно*», «*невозможно скрыться от этой информации*».

«*В первое время ... пыталась мониторить это все, потом мне стало страшно и не интересно уже потому, что очень много информации, которая не правдивая ... не*

понятно и устаешь от этого потока информации, ... информации больше никакой нет и только политика, только спецоперация» (Тюмень, ж., 4 курс);

«*... как бы ты не хотела ни видеть, ни слышать об этом... невозможно как-то скрыться от этой информации и от всего этого потока*» (Ростов-на-Дону, ж., 3 курс);

«*... я была подписана на украинские источники информации и на российские, и у меня был большой взрыв в голове, когда я это все соединяла... Последнюю неделю я решила полностью отказаться от чтения новостей...*» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

В числе страхов и опасений, имеющих внутренний локус контроля и направленных на ближайшее окружение, отмечаются страхи за семью, близких людей. Это самый типичный страх, который характерен для молодежи всех регионов, направлений подготовки и возрастных групп. Он осознается молодежью, проявляется в диапазоне от тревоги до паники. Страх за семью, родных выступает проявлением роли семьи как базовой ценности, отражением естественных, постоянных, повседневных и глубинных человеческих опасений за жизнь и здоровье близких людей.

«*Есть страхи в данный момент и есть страхи постоянные. Вот про болезнь близких можно было спросить студента двадцать лет назад, и он бы, скорее всего, ответил то же самое, и большинство бы выбрало то же самое*» (Екатеринбург, м., 1 курс).

С другой стороны, растет «*волнение*», «*тревога*», «*беспокойство*» о психологическом и социальном благополучии родных и близких в связи с переживанием ими текущих событий и тем, как на семье отразятся политические, экономические последствия спецоперации и антироссийских санкций (на семейном бизнесе, достатке семьи, взаимоотношениях, жизни).

«*Для моих близких это такой стресс, что они находятся в какой-то прострации. Не понимаешь, что происходит. Вообще ничего не хочется делать и мы находимся в*

каком-то вакууме. Некоторые из моих знакомых переживают какую-то депрессию, испытывают большой стресс и также сталкиваются с непониманием» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«Санкции негативно отразились на моей семье. Непонятно, как дальше будет развиваться бизнес родителей, что вызывает у них беспокойство. Беспокойство передается и мне, и становится довольно тревожно» (Екатеринбург, ж., 3 курс).

Чем конкретнее и вероятнее угрозы – тем острее страхи. Для людей, оказавшихся близко к зоне конфликта, проживающих в приграничных территориях, имеющих близких родственников и друзей в зоне спецоперации, ситуация начинает приобретать черты реальной и конкретной угрозы. Диффузный страх гипотетической потери близких, нарушения основ их благополучия, стабильной жизни и здоровья становится конкретным, явным, возможным, угрожает нарушением фундаментальных основ жизни близких людей. Страх усиливается, его конкретизация на фоне непонимания и неспособности повлиять на происходящее достигает острых панических форм. Если члены семьи имеют разные точки зрения на происходящее, студенты переживают по поводу рисков внутрисемейных конфликтов.

В числе страхов и опасений, имеющих внутренний локус контроля и направленных на себя, отмечаются страхи за свою жизнь и личное социальное будущее: самореализацию, возможность успеть сделать нечто важное в жизни, «здоровье», «учебу», «работу», «карьеру», за то «что делать дальше», «не зря ли я трачу свое время», что эмоционально проявляется в диапазоне от беспокойства и тревожности до страха и паники. В когнитивном и поведенческом плане предпринимаются слабые попытки рационализации и перестройки стратегий планирования будущего, но значительная часть молодежи находится в состоянии неопределенности, бездействия и непонимания собственного настоящего и будущего.

«...кто-то сумасбродно запасается на будущую жизнь, не знает, что делать. А кто-то наоборот начал жить одним днём» (Белгород, ж., 4 курс);

«Да, у меня бывает ... нахлынет страх перед будущим: «Что делать? Как быть?»» (Екатеринбург, ж., 1 курс);

«...Неопределенность будущего. Пойти дальше учиться или работать, или еще что-то. Потом, ну вот эта военная ситуация, положение.... Что сейчас происходит? И потраченное зря время... Зачем я пошел в высшее...А не зря ли я трачу свое время?» (Тюмень, ж., 1 курс).

Отмечаются и другие страхи, которые не связаны с ситуацией (страх моральной и физической боли, старости и беспомощности), либо чья значимость существует вне контекстов, но выросла на фоне ситуации (экзистенциальный страх собственной смерти). Однако наибольшее социально-психологическое напряжение вызывают диффузные, естественные в обычных обстоятельствах страхи за жизнь, здоровье и благополучие близких людей, за собственное социальное будущее, будущее мира, которые под влиянием ситуации обретают конкретность и угрожающую остроту.

Социально-политические страхи студентов. Эти страхи представлены достаточно весомой и вариативной группой тревог, опасений и панического беспокойства. К страхам макроуровня, с одной стороны, относятся видимые, ощущаемые и обсуждаемые активно в массмедиа экзистенциальные угрозы для человечества, страны, такие как, «эскалация конфликта», «мировая война», «ядерный удар», «гибель человечества», «терроризм». Во многом это тревоги средней интенсивности. Они осознаются, проговариваются, но не являются доминантами, определяющими общую тревожность молодого поколения.

С другой стороны, студенты серьезно опасаются пугающих последствий возможных альтернативных сценариев развития конфликтной геополитической ситуации,

которые повлияют не только на внутреннюю политику в стране в целом, но и их личную судьбу и свободу как молодых граждан. Молодежь пугает «развал страны», «падение политического авторитета РФ», «политическая изоляция», «железный занавес», а также «страх непродуманных законодательных инициатив и управленческих решений», «возможность установления тоталитарного режима». В палитре политических страхов-следствий особое место занимают, явно доминируя в молодежном сознании, «массовые репрессии и произвол властей». В структуре последних проявляется три основания, объясняющие природу этих страхов: апелляции к истории страны, обращение к истории семьи, а также влияние медиасреды, прежде всего, сети интернет, социальных сетей, в частности.

«Они (репрессии) коснулись моей семьи, причем очень коснулись и есть по этому поводу серьезные опасения» (Ростов-на-Дону, ж., 3 курс);

«Вот я теперь понимаю, что пережила моя бабушка. Возможно, это пережить придется и мне, я не готова, мне страшно» (Тюмень, ж., 4 курс);

«Я заходил в комментарии под этой новостью. Люди пишут, что начался произвол, мы вернемся к железному занавесу, будут массовые репрессии, непонятно, за что нас будут судить» (Екатеринбург, м., 3 курс);

«Массовые репрессии – это сравнимо с войной и всякими конфликтами. По сути, это враждебность к собственному народу, к собственной стране ... и это все ужасно» (Екатеринбург, ж., 1 курс).

Рационализируя свои тревоги, чувства психологического дискомфорта и отчаяния, студенты осмысливают сложившуюся ситуацию как страх перед «своей беспомощностью», «зависимостью от воли других, тех, кто играет на политической арене». Эмоциональная напряженность переживается и преодолевается через самооправдание своей исключенности, устраненности от происходящего. Во многом это

свидетельствует об отстраненности большинства молодых россиян от различных форм гражданского, социального, политического участия, об их ощущении отчужденности от собственной жизни, где довлеют внешние силы и обстоятельства.

«Это страх беспомощности, возможно. За себя, за будущее, за близких» (Ростов-на-Дону, ж., 3 курс);

«Беспокоит потеря себя. ...Это безысходность от того, что ничего не можешь сделать» (Тюмень, ж., 1 курс);

«Мы ничего не можем с этим сделать, никак повлиять на ситуацию. Нас не услышат и не поймут нигде. Пытаться что-то там кричать бесполезно, как уже было много раз сказано сегодня, бессмысленно абсолютно. (Екатеринбург, ж., 1 курс).

К страхам микроуровня (внутренний локус тревожности) относятся две условно выделенные группы страхов – непосредственные следствия боевых действий: 1) страх «собственной физической гибели и гибели своих близких, семьи», тревога за «личную безопасность», 2) страх «потери личной свободы», «свободы слова и мыслей», «обман государства». Студенчество артикулирует слабость своей социальной позиции, физическую и эмоциональную беспомощность. Эти беспокойства и опасения характерны практически для всех, но различаются степенью тревожности за родных и близких людей, которая определяется территориальной близостью либо отдаленностью от арены военного столкновения.

Если в первом случае опасения сопряжены с ближайшим социальным кругом студентов, то во втором тревога вызвана внутривнутриполитической ситуацией, в которой только усилился разрыв между россиянами и властью, зафиксированный и сохраняющийся в стране последние годы (по Ж. Т. Тощенко в обществе травмы). Студенты определяют характер своих отношений с властью в стране в целом и на уровне университета, в частности, следующим образом:

«Страх, что государство нас обманет. Ну, сейчас все так классно, а в один момент окажется, что все это обман» (Белгород, ж., 4 курс);

«Власти, такое впечатление, как будто они нас обратно в 90-е загоняют. Пожили-пожили нормально и хватит с вас» (Белгород, м., 2 курс);

«Я лишний раз промолчу, чтобы меня не отчислили, вот, потерплю, соглашусь с чужим мнением» (Тюмень, ж., 4 курс).

Наиболее выражено тревожное напряжение относительно социально-политической повестки в сфере принятия нормативных и правовых актов, регламентирующих распространение информации в масмедиа. На фоне определенного недоверия к лицам, принимающим решения, опасения у студентов вызывает покушение на их свободу доступа к информации.

«Свобода СМИ все-таки была. Мы видели и оппозицию, которая осуждала действия властей. Я все же за плюрализм мнений, за свободу слова, что у нас сейчас отнимают» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс);

«Вышел закон о фейках. Все что не подходит под одну идеологию – это фейк. И, следовательно, все, что остается сейчас – это слушать, что нам навязывает кто-то. Все эти опасения возникают у тех людей, которые могут критически размышлять и понимать, что что-то не так» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

Социокультурные страхи студентов. Анализ данных фокус-групп позволил выявить у студенческой молодежи актуализацию отдельной группы страхов, которые можно отнести к социокультурным, а также практики осмысления ценностных изменений, оказывающих фоновое воздействие на динамику всего комплекса страхов в целом.

Большая группа страхов, актуализированных в начале марта связана с феноменом так называемой «культуры отмены» (*cancel culture*) или культуры исключения (*call-out culture*), что на глобальном уровне обусловлено нарушением социокультурных межстрановых обменов в сфере обра-

зования, науки, искусства, а также радикальной сменой имиджа российского государства и россиянина в мире, ограничивающей возможности диалога и интеграции граждан многомиллионной страны в мировое культурное пространство. Страхи культурной изоляции страны для студентов соотнесены с изменением статуса российского образования и науки, нарушением научно-образовательных обменов.

«Одна из главных причин для беспокойства – это проблема образования. Реформирование Болонской системы, закрытие индексов цитирования – это всё значительно скажется на образовании и науке» (Тюмень, ж., 1 курс);

«Многих студентов сегодня беспокоит обесценивание российского образования в масштабе мира. Для многих уже закрылись возможности уехать учиться и провести месяц или семестр за границей» (Тюмень, м., 1 курс).

На уровне повседневных практик у студентов проявляется страх перед возникающей интолерантностью в сфере культурной коммуникации офлайн и онлайн. Они озвучивают свои опасения следующим образом:

«Как потом ездить за границу с российским паспортом, знакомиться с людьми и говорить, что ты русский человек? Вот это тоже страшно» (Екатеринбург, м., 3 курс);

«У нас ребят из группы, когда они просто играли в онлайн-игру и сказали, что они русские, начали хейтить и угнетать» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

Болезненно воспринимается студентами трансформация межстранового культурного диалога с тотальным навязыванием вины и ответственности, когда в контексте морализаторских установок патерналистского типа артикулируется чувство вины, носителем которого объявляются все граждане России и конструируется представление о благотворном действии санкций в сфере культуры, призванных «научить» цивилизованному поведению.

«На меня очень сильно влияет ненависть к русским и тот факт, что как будто должно быть стыдно за то, что ты русский» (Екатеринбург, ж., 3 курс);

«Если ты русский, значит ты убийца и начнешь против них войну» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«Допустим вводят санкции, но это же влияет на обычных людей. А обычные люди чем это заслужили?» (Тюмень, ж., 1 курс).

Одним из проявлений этих процессов можно считать страх русофобии, на который студенты многократно ссылаются, обозначая свои переживания:

«Отношение западных стран к нам и проявления русофобии меня очень сильно пугают» (Екатеринбург, ж., 1 курс);

«Все русскоязычное население уже столкнулось с русофобией. Не боятся ее, наверное, только не русскоязычные» (Екатеринбург, ж., 3 курс).

Сталкиваясь с такими явлениями, относительно индифферентная студенческая молодежь, объективно не встроенная в систему демократического участия в политической жизни и влияния на принятие политических решений, не понимает, что делать с предъявляемыми им требованиями и нормами культуры, вины и стыда.

Общей ценностной основой многих страхов, по мнению студентов, вне зависимости от территории, на которой они проживают, выступают межпоколенческие различия, обусловленные более глубокой встроенностью молодежи в глобальный мир, чем поколение старших.

«Мы всё-таки поколение 2002-2003 гг., это XXI век..., современное общество всё-таки и никакие операции и даже спецоперации и супероперации – ну, это неприемлемо вообще» (Екатеринбург, м., 1 курс);

«Я, например, имею причастность к европейской культуре и ценностям... Если очень сильно разрушатся отношения с европейскими странами, это будет большой удар и для молодежи, и для остальных людей» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

Социально-экономические страхи студентов. В данной группе на макроуровне выявлены страх за устойчивость национальной экономики в условиях санкционных ограничений, страх перед нестабильностью международных рынков и связанных с этим последствий. К проявляющимся на микроуровне страхам, имеющим внутренний локус тревожности, были отнесены страхи за собственный бизнес или бизнес семьи, страх невозможности своей профессиональной самореализации и трудоустройства, потери накопленных ресурсов, снижения покупательских возможностей. Эти страхи характерны для студентов всех вузов исследуемых регионов. Практически все информанты отметили, что эта проблема беспокоит студенчество. Этот тип страхов имеет предельно конкретные проявления:

«... Многих студентов беспокоит три вещи: как купить сахар, что я буду делать после выпуска, и как сильно изменится мое финансовое положение, то есть хватит ли мне денег» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«...Я боюсь бедности, потому что слишком много сил положил на то, чтобы развиваться. Скатываться обратно не хочется» (Екатеринбург, м., 3 курс);

«Я думаю, многим страшно столкнутся лицом к лицу с бедностью, с неплатежеспособностью...» (Тюмень, ж., 4 курс.).

Изменение экономической ситуации, обусловленное санкционными ограничениями, высокий уровень включенности российской экономики в глобальные логистические цепочки, волатильность международных сырьевых, товарных и валютных рынков вызывают определенное беспокойство у студенчества. Их опасения усиливаются общим информационным фоном, формирующим катастрофическую картину экономического кризиса.

«Беспокоит уход компаний, массовое бегство с нашего рынка – этот страх на первом месте...» (Екатеринбург, ж., 1 курс);

«...По сути у нас всё завозится из других стран, и мало, что мы производим абсолютно самостоятельно» (Екатеринбург, ж., 1 курс).

Боязнь «краха экономики» усиливает в студенческой среде «страх потери в будущем работы, бизнеса». Этот страх особенно остро проявляется у тех студентов, кто сам работает, занимается предпринимательской деятельностью или вовлечен в бизнес своих родителей.

Внутренний локус тревожности проявляется в страхах невозможности самореализации, потери накопленных ресурсов, бедности. Студенты боятся «не реализоваться», «не построить карьеру», «не найти работу», «зарабатывать мало и жить в нищете». Типичные опасения студенчества, характерные для этой возрастной когорты в целом, усиливаются в связи с происходящими событиями.

«Первое, что беспокоит всех студентов, это их собственное будущее: куда идти работать, какая будет зарплата, идти ли в магистратуру и все такое» (Тюмень, ж., 1 курс);

«Вот ты выпустился и нужно что-то делать, куда-то устраиваться официально работать, а не подрабатывать. В целом я сильно беспокоюсь о будущем, то есть какая будет жизнь, получится ли с работой, как жить дальше» (Белгород, м., 4 курс);

«Беспокоит сильно карьера, поскольку без карьеры никак. Под карьерой я подразумеваю работу, материальный достаток и все, что с этим связано. А эти события непосредственно влияют на карьеру, потому что идут сокращения, возможно уменьшение заработной платы...» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс).

Студенты, имеющие опыт предпринимательской деятельности, боятся утраты уже имеющихся достижений. Тревога особенно нарастает у тех, кто столкнулся с потерей каких-либо ресурсов или возможностей (финансовых, инфраструктурных, коммуникативных и др.).

«Как я теперь буду зарабатывать? ... Инстаграм – площадка, которая даёт заработок и собственно давала мне контакт с многими людьми, которые могли поспособствовать этому заработку» (Белгород, м., 4 курс);

«Эта ситуация уже отразилась на моей деятельности в дизайне. Очень многие программы ушли из России. И один из проектов, которым я пользовалась, полностью закрыт для санкционной страны, которой стала Россия» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

Один из ярко выраженных страхов студенчества в данной группе – страх снижения уровня жизни, ухудшения ее качества. Он соотносится в суждениях молодежи с изменениями привычных моделей потребления. По мнению многих студентов, «большинство волнует, как им обеспечить себя, своих близких, чтобы они могли не просто выживать, а полноценно жить». Тревожность вызывают реальные и возможные нарушения привычного образа жизни, поскольку многие не смогут позволить себе те практики, которые были для них привычны и комфортны.

«Некоторым моим друзьям уже пришлось отказаться от поездок на такси и покупки товаров, выходящих за пределы жизненно необходимого» (Екатеринбург, ж., 3 курс);

«Я не буду ничего говорить. Есть холодильник, он все сам скажет спустя время, поскольку цены растут...» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс);

«Сейчас даже если у тебя есть деньги, ты не сможешь купить хорошую машину, телефон, да что угодно» (Тюмень, м., 1 курс).

Терпеть ухудшение своего материального положения молодое поколение не готово. Все выделенные страхи пока только артикулируются. Студенты боятся возможного выхода из зоны комфорта, проводя параллели с экономическим кризисом 1990-х годов и прошлым опытом их родителей, не желая его повторять, переживать «возврат

к тому уровню жизни, из которого мы вышли и гордимся тем, что мы победили в 90-е...» (Белгород, м., 4 курс). Стратегий нового экономического поведения студенты пока не продумывают и, тем более, не реализуют, их цели на будущее не поменялись, поставлены под сомнение, либо отдалились.

Особенности репертуара страхов студентов приграничных районов. Для их выявления сопоставлялись суждения студентов вузов, размещенных на близких и отдаленных от реального места проведения специальной военной операции территориях. В приграничных районах конфликтные события затронули практически каждого. Страхи студентов предельно конкретны, четко идентифицируются, имеют явные причины. Их природа обусловлена реальным опытом человека, тем, что каждый видит, слышит, с чем сталкивается ежедневно в реальности, а не только в медиасреде.

«Мы близко находимся к границе, поэтому страх реальный. И многие могли ощущать страх, что сейчас будет какой-нибудь ядерный удар. Все понимают куда он будет направлен» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«Военные везде. Что у них в голове? ... поэтому ты не чувствуешь себя в безопасности» (Белгород, ж., 4 курс);

«Если мы с вами находимся условно недалеко от границы, нас это волнует в любом случае намного больше, чем людей, которые живут в каком-нибудь Петропавловске-Камчатском» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс).

Студенты приграничных территорий благодаря личным контактам владеют конкретной информацией от участников событий, тех, кому, с их точки зрения, можно доверять. Их социально-политические тревоги и опасения поддерживаются фактами, формирующими представления о масштабах происходящего на территории Украины, вызывающими боль и чувство невозвратных потерь.

«Для меня страшно, что не восстановят Украину. Не восстановят вообще. Я люблю Украину, люблю очень Харьков. Мысль о том, что там люди озлоблены на нас и что скорее всего никогда больше мы не увидим эту страну – вот это очень страшно» (Белгород, ж., 4 курс);

«У меня еще страх относительно всего этого восстановления. С парнем одним работал, он сейчас в Харькове живет, скидывает постоянно мне какие-то фотографии. Ну, там просто ни одного живого здания практически нет ...» (Белгород, м., 4 курс);

«Приехал друг, обсудили всю эту ситуацию, как она на самом деле там выглядит, какое у них вообще там положение.... Как можно оценить потерю близкого человека, просто не знаю» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс).

В приграничных регионах для студенческой молодежи более остро стоят проблемы осмысления и переосмысления общечеловеческих гуманистических ценностей и моральных стандартов. Реальность, которую они непосредственно наблюдают, подталкивает к размышлениям об экзистенциальных проблемах смерти, «расчеловечивания», когда, например, по их мнению, происходит «обесценивание человеческой жизни», воспринимаемой не как «высшая ценность, а расходный материал» (Белгород, ж., 4 курс).

В идеологической сфере для них болезненно столкновение с противоречиями в проявлениях патриотизма, представления о котором были ранее усвоены. Отмечая «нарастающее чувство патриотизма» (Белгород, ж., 4 курс), студенты в то же время констатируют: «а я вижу, что это не патриотизм, это ответ на требование «идите и делайте» (Белгород, м., 4 курс). Противоречивые эмоции у них вызывает прагматическая мотивация контрактников, с которыми приходилось общаться:

«Каждый второй-третий говорит, что у них в селе нет работы, нет денег. Для

них 60 тыс. это колоссальные деньги и армия – реальный способ заработать» (Белгород, ж., 4 курс).

Информанты из приграничных территорий испытывают психологическую напряженность, вызванную военным присутствием, видом оружия, военной формы, военной техники, звуками военных самолетов, вертолетов и пр.

«Почти каждый день постоянно самолеты летают над тобой... как-то нервничать начинаешь» (Ростов-на-Дону, ж, 2 курс);

«Едет военная техника – мне прямо дико страшно. Вот, военные ходят, а у меня ужас какой-то... люди в форме...» (Белгород, ж., 4 курс).

Заключение (Conclusions). В статье представлен анализ страхов российского студенчества, зафиксированных в ходе исследования, реализованного в самом начале военно-политического конфликта между Россией и Украиной (первая половина марта 2022 года). В этот период в иерархии страхов студенчества доминировали страхи по поводу экономического и психологического благополучия ближайшего окружения, опасения студентов за собственное будущее, страх войны, бедности, социально-политического произвола со стороны власти. В целом полученные данные о структуре страхов не противоречили результатам массовых опросов россиян, проведенных в этот же период. Однако в приграничных территориях комплекс страхов, связанных с военными действиями, явно превалировал.

Выявлено, что социально-психологические страхи, выступающие в обычных условиях как фоновые, диффузные, естественные экзистенциальные страхи за жизнь, здоровье и благополучие близких людей и др., под влиянием текущей ситуации обрели конкретность, угрожающую остроту, особенно в приграничных районах. Страх неопределенности будущего

стал драйвером усиления социально-политических страхов: железного занавеса, установления тоталитарного режима, массовых репрессий, доносов, произвола властей и политического давления на личность. Политически окрашенные тревоги сопрягаются с четко неопределяемой политической ориентацией студенчества. Наши выводы в этом плане соотносятся с данными опроса ВЦИОМ, согласно которым скорее поддерживают специальную военную операцию 72% россиян старше 18 лет, тогда как среди студентов такую позицию обозначили только 45% студентов, принявших участие в опросе.¹

Интенсифицировался комплекс экономических страхов студенчества на макроуровне (международных санкций и экономической изоляции РФ, дестабилизации рынков, имеющих серьезные экономические последствия) и микроуровне (бедности, безработицы, снижения уровня и качества жизни, нарушения привычных потребительских практик). Ощущался всплеск социокультурных страхов, связанных с культурной изоляцией России и кардинальной сменой ее имиджа в глазах мирового сообщества. Страхи с внешним локусом контроля, как правило, являются фоновыми. Страхи с внутренним локусом в сознании молодежи более вариативны по интенсивности.

Выявлены гендерные различия. Для юношей оценка текущей ситуации была сдержанной, проявлялась через ощущения «тревоги», «тоски и печали», «беспокойства за будущее», «неопределенности от всего происходящего». Для девушек характерна большая эмоциональность, выразившаяся в терминах «депрессии», «стресса», «страха», «ужаса», «паники», и готовность к неуправляемым эмоциональным реакциям («хочется спрятаться», «сейчас заплачу»).

¹ Специальная военная операция: мониторинг. Опубликовано 30 мая 2022 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-views/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring> (дата обращения 07.06.2022)

Видимые гендерные особенности проявления страхов и прежде описывались в социологических исследованиях (Гудков, 1999).

В ходе анализа данных стало понятно, что палитра страхов студенчества имеет типичную структуру, которую и ранее социологи фиксировали в исследованиях, не привязанных к конкретным ситуациям и событийным контекстам. В повседневной жизни на кануне спецоперации молодежь, как и россияне в целом, тревожилась за здоровье – свое и близких. Молодые чаще остальных возрастных групп волновались из-за невозможности реализовать в жизни¹. Наше исследование позволило выявить в проявившихся страхах не только устоявшиеся антропологические, аффективно-когнитивные и поведенческие черты, но и индивидуальную и групповую динамику страхов (Stets, Turner, 2014). Так, текущая ситуация неопределенности, усилила социально-психологическое напряжение, где наиболее выражен характерный для всех групп студентов страх не за себя, а за свою семью, ближайшее окружение. Ориентация на ближний социальный круг как главный охранительный «оплот» и источник поддержки свидетельствует о сохранении у студенчества традиционных для российского общества ценностных ориентаций – на родных и близких как основу личного мироздания, утрата которой является наиболее болезненной и пугающей (Нарбут, Троцук, 2014).

Специфика событийного контекста проводимой спецоперации в Украине, заключается в том, что социально-политические тревоги и опасения начали занимать в репертуаре страхов российского студенчества важное место. Неполитизированное поколение оказалось обеспокоено политической повесткой страны, где наряду с глобальными геополитическими вопросами ему видятся проблемными два ракурса: «возврат к прошлому» с серьезными ограничениями свободы мысли и действия, а

также дискомфортный практически для всех без исключения страх невозможности повлиять на сложившуюся политическую и экономическую ситуацию в стране. Если ранее в исследованиях при высоком уровне тревожности студенчеству не был характерен пессимизм и безрадостный жизненный настрой (Нарбут, Троцук, 2014), то в текущей ситуации фиксируется иное отношение молодежи к происходящему вне зависимости от личного опыта и отдаленности реальных угроз.

В палитре страхов студенческой молодежи появились новые оттенки, связанные со сферой культуры отмены. Ее экономический аспект, обусловленный экономическими санкциями в отношении РФ, в той или иной мере учитывался студентами в планировании своего будущего ранее. Новая ситуация неопределенности, сформировавшаяся в условиях прогнозируемой тотальности и долговременности санкций, вызвала всплеск экономических страхов, необходимость справиться с которыми потребует изменений в экономическом сознании и поведении молодежи.

Политический аспект культуры отмены связан у студенческой молодежи с ростом опасений в отношении политической изоляции России на мировой арене и отчуждением от разных форм политической активности внутри страны, которое проявляется в страхах в отношении возможного нарастания политических репрессий и ограничения в правах.

Социокультурный аспект феномена отмены проявился в новых видах страхов не только перед культурной изоляцией России, но и ограничениями в онлайн и оффлайн коммуникациях с молодежью из других стран, сокращением доступа к привычным социальным сетям и сервисам, возможностям ведения бизнеса в онлайн среде, отказа от студенческих культурных, науч-

¹ Тревоги и опасения людей. Опубликовано 11 февраля 2022 года. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14685> (дата обращения 07.06.2022).

ных, образовательных обменов и возможностей получения образования или работы за рубежом.

Исследование выявило и подтвердило влияние внешних средовых факторов на усиление страхов. Так, чем ближе и реальнее угрозы – тем острее и конкретнее страхи студенчества. Если в целом ценностный бэкграунд студенческой молодежи определяет и характер страхов, и стратегии их преодоления, то в приграничной зоне страхи становятся конкретными и значительно усиливаются территориальной близостью конфликта, вероятными рисками для жизни и здоровья, социального благополучия и психологического комфорта людей. Как говорит теория и подтверждает практика, динамика массовой тревожности общества следует за отдельными ситуациями, возникающими в жизни людей и порождающими страх – как своего рода психическое заражение (Седова, 2010: 154).

В дополнение к полученным исследовательским данным нельзя не отметить в среде российского студенчества запрос на психологическую защиту, выраженную в необходимости обсуждения того, что их, как и многих россиян сегодня волнует и беспокоит. Проговаривание страхов, опасений и сомнений без осуждения и споров нужно и крайне важно для молодого поколения, вузовской академической среды, страны в целом в период потрясений и неопределенности.

Фокус-групповые интервью позволили зафиксировать реакцию студенчества на спецоперацию в Украине и ее реальные и гипотетические политические, экономические, социокультурные, социальные последствия как на травматическое событие, которое повлияло на изменение их повседневных практик, социального настроения и образа мыслей. В силу этого, перспективным видится дальнейшее изучение динамики страхов в молодежном сознании, фиксация изменений в оценках происходящего, определение и изучение выбираемых моло-

дежью моделей поведения, индивидуальных стратегий, обеспечивающих преодоление актуализированных страхов. Выявленные в репертуаре страхов новые аспекты могут в дальнейшем рассматриваться как индикаторы изменения студенческого сознания и поведения в связи с трансформацией политической, экономической, социокультурной ситуации в стране и за ее пределами.

Список литературы

- Айерман Р., Хлевнюк Д. О. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121-138.
- Амбарова П. А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 24-27.
- Витковская М. И. Теоретико-методические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4-5. С. 86-91.
- Гагарин А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 7-26.
- Гудков Л. Д. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6 (44). С. 46-53.
- Зубков В. И. Проблемное поле социологической теории риска // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 123-127.
- Кравченко С. А. Социологические теории травмы // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 60-69.
- Лакан Ж. Тревога (Семинар, Книга X (1962/63)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Логос, 2010.
- Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135-160.
- Нарбут Н. П., Троцук И. В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 69-74.
- Нарбут Н. П., Троцук И. В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии):

сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 2. С. 284-302.

Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.

Седова Н. Н. Массовые тревоги и личные страхи россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1 (95). С. 135-156.

Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Социология. 2016. № 4. С. 12-27. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401>.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.

Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи на постсоветском пространстве: Россия, Украина и Литва // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 3 (41). С. 30-37.

Charmaz K. (2006) *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. London: Sage.

Drabek T. E. (2019) *The Sociology of Disaster: Fictional Explorations of Human Experiences*. Milton: Routledge.

Furedi F. (1997) *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. London: Cassell.

Matthewman S. (2015) *Disasters, Risks and Revelation: Making Sense of Our Times*. London: Palgrave Macmillan.

Routledge C., Vess M. (eds.) (2018) *Handbook of Terror Management Theory*. New York, NY: Academic Press.

Stets J. E., Turner J. H. (eds.) (2014) *Handbook of the Sociology of Emotions*. New York, NY: Springer.

References

Eyerman, R., Hlevnjuk, D. O. (2013), "Social Theory and Trauma", *Russian Sociological Review*, 12(1), 121-138. (In Russian)

Ambarova, P. A. (2012), "Society and Power through the Prism of Public Fears", *Society and Power*, (6), 24-27. (In Russian)

Vitkovskaya, M. I. (2003), "Theoretical and Methodological Aspects of "Fear" Research in Sociology", *RUDN Journal of Sociology*, (4-5), 86-91. (In Russian)

Gagarin, A. S. (2009), "Phenomenological Topic: Meaning-of-Life' Space Existentials of Human Life", *Research Yearbook. Institute of Philosophy and Law. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, (9), 7-26. (In Russian)

Gudkov, L. D. (1999), "Fear as a Framework of Understanding of Current Events", *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (6), 46-53. (In Russian)

Zubkov, V. I. (2001), "The Problem Field of Sociological Risk Theory", *Sociological Studies*, (6), 123-127. (In Russian)

Kravchenko, S. A. (2020), "Sociological Theories of Trauma", *Sociological Studies*, (4), 60-69. (In Russian)

Lacan, J. (2010), *Le Séminaire. Livre X, tome 10. L'angoisse (1962-1963)*, Logos, Moscow, Russia. (In Russian)

Luhmann, N. (1994), "Soziologie des Risikos", *THESIS*, (5), 135-160.

Narbut, N. P., Trotsuk, I. V. (2014), "Fears and Hopes of the Russian Students: Possibilities of Empirical Fixation", *Theory and Practice of Social Development*, (2), 69-74. (In Russian)

Narbut, N. P., Trotsuk, I. V. (2018), "The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): comparative analysis of fears and hopes", *RUDN Journal of Sociology*, (2), 284-302. (In Russian)

Gorshkov, M. K., Petukhov, V. V. and Krumm, R. (eds.) (2009), *Russia at a New Turning Point: The Fears and Anxiety*, Alfa-M, Moscow, Russia. (In Russian)

Sedova, N. N. (2010), "Mass anxieties and personal fears of Russians", *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (1), 135-156. (In Russian)

Simonova, O. A. (2016), "Basic Principles of the Sociology of Emotions", *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, (4), 12-27, available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401>. (In Russian)

Strauss, A., Corbin, J. (2001), *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques], Translated by T. S. Vasilyeva, Editorial URSS, Moscow, Russia. (In Russian)

Ushakin, S. (eds.) (2009), *Travma: punkty* [Trauma: Points: A Collection of Articles], New Literary Observer, Moscow, Russia. (In Russian)

Heidegger, M. (2003), *Bytie i vremya* [Sein und Zeit], Translated by V. V. Bibikhin, Folio, Kharkov, Ukraine. (In Russian)

Shlyapentokh, V. E., Shubkin V. N., Yadov V. A. (eds.) (1999), *Catastrophic Consciousness in the Modern World in the Late XX Century (Based on International Studies)*, Moscow Public Science Foundation, Moscow, Russia. (In Russian)

Sztompka, P. (2001), "Social Change as Trauma", *Sociological Studies*, (1), 6-16. (In Russian)

Shubkin, V. N., Ivanova V. A. (1999), "Fears in the Post-soviet Area: Russia, Ukraine, and Lithuania", *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3), 30-37. (In Russian)

Charmaz, K. (2006), *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*, Sage, London, UK.

Drabek, T. E. (2019), *The Sociology of Disaster: Fictional Explorations of Human Experiences*, Routledge, Milton, UK.

Furedi, F. (1997), *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*, Cassell, London, UK.

Matthewman, S. (2015), *Disasters, Risks and Revelation: Making Sense of Our Times*, Palgrave Macmillan, London, UK.

Routledge, C., Vess, M. (eds.) (2018), *Handbook of Terror Management Theory*, Academic Press, New York, USA.

Stets, J. E., Turner, J. H. (eds.) (2014), *Handbook of the Sociology of Emotions*, Springer, New York, USA.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2022 г. Поступила после доработки 31 августа 2022 г. Принята к печати 11 сентября 2022 г.

Received 25 August 2022. Revised 31 August 2022. Accepted 115 September 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Maria V. Pevnaya, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Шуклина Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Elena A. Shuklina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Киенко Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

Tatyana S. Kienko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Тарасова Анна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Anna N. Tarasova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Андреанова Елена Владимировна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Тюмень, Россия.

Elena V. Andrianova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen; Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia.

Худякова Марина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей

и экономической социологии Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия.

Marina V. Khudyakova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.